

поставить под сомнение точность перевода. Сравнивая тексты рецензируемого сборника с ранее вышедшим сборником «Про изверга-немца», где помещены те же варианты того же переводчика, можно заметить не только разницу в форме, стилистическую правку, вполне уместную и понятную, но и разницу в содержании, смысловое различие в текстах. Такое изменение текста ставит под сомнение заявление переводчика в предисловии: «Точность перевода, адекватность его оригиналу являлась основной задачей, стоявшей перед составителем сборника». Читатель не знает, какому тексту больше верить.

Автор совершенно справедливо объединил два жанра фольклора — руны и исторические песни — и указал на неразрывную генетическую связь между ними. Но последующий вывод автора: «Поэтика этих двух жанров карело-финского эпоса идентична» (разрядка моя. — Л. П.) кажется слишком поспешным. Несомненна глубокая органическая связь между поэтикой рун и исторических песен, их близость, их сходство, их генетическая зависимость. Но говорить об идентичности этих двух поэтик значит лишать историческую песню ее специфики как жанра. Даже в том случае, если поэтический образ рун целиком без изменений перешел в историческую песню, он несет в ней совершенно иную смысловую нагрузку, он качественно меняется, получая новое значение при старой, неизменившейся форме. Сомнительно также, что руны и исторические песни имеют значение как источник «познания героического прошлого народов северо-западных окраин нашей Родины». Руны и исторические песни это отклик народа на исторические события, отклик, во многом своеобразный, специфичный, который хотя и дает временами верную оценку событий, но привлекаться в качестве исторического «источника познания» никак не может. Песни, в которых Екатерина II и Наполеон Бонапарт, Иван Грозный и Карл XII живут и действуют в одно и то же время, едва ли могут быть «источником познания» прошлого народа. Автор сообщает в предисловии, что он размещал «руны и исторические песни в определенной последовательности», стремясь показать «стадиальность их возникновения и переосмысления». В связи с этим возникает вопрос: почему сюжет «В борьбе за старое Сампо» стоит раньше, чем руны с сюжетом «Изготовление кантеле»? Автор ничем не подтверждает большей древности первого сюжета, да это и невозможно, как невозможно в большинстве случаев вообще доказывать старшинство одних рун по сравнению с другими, ибо время возникновения отдельных вариантов не может быть точно определено. Стадиальность возникновения рун — вопрос очень сложный, и на таком небольшом материале простым размещением рун в произвольно выбранном автором порядке его решить нельзя.

Несмотря на перечисленные недочеты, сборник представляет собой значительное явление. Его ценность прежде всего в том, что впервые на русском языке в сравнительно большом тираже (10 000) выходят исторические песни карело-финского народа. Не только массовый советский читатель знакомится с поэтическим творчеством этого народа, но и специалисты получают возможность сравнительного изучения русского и карело-финского эпоса, русских и карело-финских исторических песен. Выход этой книги свидетельствует о росте советской фольклористики не только в центрах научной мысли, но и на периферии. Прошло всего несколько лет после освобождения Карело-Финской республики от ига немецкой оккупации, а К-ФССР возрождается и с экономической и с общественно-политической, и с научной стороны. Рецензируемая книга — одно из ярких тому доказательств.

Л. Пушкарев

Wilfrid Chettéoui, *Un rapsode russe Rjabinin le père, La byline du XIX siècle*, Paris, 1942.

Объемистый труд доктора Парижского университета Вильфрида Шетеуи посвящен характеристике творчества знаменитого олонечного сказителя Грофима Григорьевича Рябинина, тексты которого были записаны в 60-х и 70-х гг. П. Н. Рыбниковым и А. Ф. Гильфердингом.

Проблема индивидуального творчества в фольклоре была впервые поставлена в русской фольклористике. После сборника Гильфердинга «Онежские былины» становится как бы обязательным распределение материала в фольклорных сборниках по сказителям и сказочникам, записываются и публикуются биографии носителей фольклора, дается анализ их творчества, делаются попытки установить особенности отдельных школ сказителей и сказочников, появляются монографии, посвященные лучшим мастерам фольклора. Это направление русской науки оказало значительное влияние на западноевропейскую фольклористику.

Интересным вкладом в изучение русской былины и творчества русских сказителей является рецензируемая книга французского ученого. Первая часть книги посвящена биографии и характеристике репертуара Рябинина. В качестве сравнительного материала привлекаются параллельные тексты и сведения о других олонечных сказителях. Дается очень детальная и основательная критика текста записей Рыбникова и Гильфердинга. Вторая часть посвящена анализу поэтики былины. Это — основная часть работы, в которой дается общая характеристика поэтики былины, анализ текстов Рябинина, характеристика былинного стиха, стиля и композиции былины. Особое вни-

мание уделено анализу общих мест или «*rièses mobiles*», как их, вслед за Мазоном, называет автор. Третья часть работы посвящена непосредственно творчеству Рябинина; дается подробный анализ имеющихся в репертуаре последнего сюжетов и особенностей его вариантов.

В результате своего исследования автор приходит к четко сформулированным выводам. Былина, по его мнению, как жанр больше не обновляется, а только дожидает свой век. Русские былины очень мало изучены со стороны их стиля и композиции. Объясняется это тем, что русские ученые интересовались, главным образом, вопросами генезиса былины. Трудно установить, насколько современные былины сохраняют древние черты. Очень трудно установить элементы индивидуального творчества сказителей, так как они, с точки зрения автора, — лишь пересказчики воспринятого ими материала, а не поэты-творцы, как сербские певцы или монголо-ойротские тувльчи. Несмотря на это, пристальное изучение текстов, записанных из уст лучших крестьянских сказителей, и сравнительное изучение былинных текстов дают возможность выяснить некоторые черты, если не поэтического творчества, то ремесла сказителей. Особенности манеры сказителя выявляются при анализе того, как он воспроизводит воспринимаемый им традиционный текст. Детальное изучение вариантов Рябинина дает право вынести объективное суждение об искусстве Рябинина как сказителя. Рябинин — враг новшеств и стремится сохранить тексты былины в том виде, как он их воспринял в юности, вплоть до незнакомых и непонятных ему слов. Несмотря на стабильность былинных текстов, роль певца для эволюции былины неоспорима; в этом можно убедиться, рассмотрев различные варианты одного и того же сюжета. Былина, переходя от одного сказителя к другому, индивидуализируется, принимает другой колорит в зависимости от темперамента, характера нового исполнения. Сказитель осваивает новую былинку не сразу: сперва он заинтересовывается подвигами и характером героя, развитием сюжета, потом, неоднократно слушая былинку, бессознательно ее запоминает. Когда же он пытается ее воспроизвести, внимание его сосредоточено на сюжете; в обрисовке же героев, с которыми он уже освоился, он сохраняет только оригинальные черты. Он допускает общие места, заменяя их эквивалентными своими. В результате, спетый новым исполнителем текст, при всем стремлении сказителя сохранить его в том виде, как он его слышал, будет иным: появятся новые нюансы в характеристике героя, в отдельных деталях, в использовании общих мест. Рябинин — яркая творческая индивидуальность. Он вносит изменения в структуру былинного стиха, подвергает изменениям ритм былины в зависимости от избранного им напева. Он своеобразно, сохраняя строгий классический стиль исполнения, использует различные возможности рифмы, ассонансов, строфики. Необычайно богаты и разнообразны постоянные эпитеты текстов Рябинина. Его метафоры и сравнения просты и вместе с тем блестящи. Повторы его, построенные обычно по принципу усиления, крайне динамичны. Очень большую роль в текстах Рябинина играют общие места. Вместе с тем он никогда не перегружает свои варианты излишними по ходу сюжета общими местами. Он создает и новые, свои общие места, в которых особенно ярко проявляется его склонность к точности и ясности изображения. Огромная заслуга Рябинина, по мнению автора, в том, что он поднял и оживил былинную традицию, проявив при этом огромное художественное чутье и такт, сумев сохранить черты древних сказаний и вместе с тем дать аромат современной ему северной деревни. Характеристика былинных героев так же, как и сюжетная схема, один из наиболее стабильных элементов былины. Однако и здесь можно уловить некоторые индивидуальные черты сказителя: благородство, гуманность Рябинина проявились и в обрисовке его героев. Сказалось в былинах и его классовое самосознание: его герои, как и он сам, прежде всего защитники интересов народа.

В заключение автор подчеркивает значение аудитории, коллектива в формировании текста. Конечный вывод, к которому приходит автор, блестяще опровергает его исходное положение о том, что сказители являются лишь ремесленниками, а не творцами. Вывод этот, который нельзя не принять, следующий: «Т. Г. Рябинин, старый крестьянин из деревни Середки, имеет полное право войти как поэт в историю русской поэзии».

Э. Гофман

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ

Миленко С. Филипович, *Несродничка и предвојена задруга*, Београд, 1945, 61.

Автор рецензируемой работы — известный сербский этнограф, возглавляющий отдел этногенеза в Народном этнографическом музее Белграда. Работа посвящена двум мало изученным, однако, как указывает автор, широко бытующим видам южно-славянской задруги, именуемым «несродничка» (неродственная) и «предвојена» (разделенная) задруга.

Объединяя в терминах «несродничка» или «смешанная» задруга как семья, члены которых связаны не родством, а свойством, побратимством или усыновлением,